

ISSN 1991-5497

международный научный журнал

МИР НАУКИ, КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ

искусствоведение • история • культурология • медицина
педагогика • психология • социология • филология
философия • экология • экономика • юриспруденция

оттуда к нам
дальше и выше,
к потомкам.
Все — завет,
тайственный,
но простой и ясный. В нем — Дух!
нашем. И от нас
От предтечей — знак,
в слове — таинственный,
но простой и ясный. В нем — Дух!
начало и конец,
Дух, Отец!
Сын, Он — Слово — Бог
дающий всем урок
справедливый, надежда и любви,
Слову пророчеств сих.
и Слово вечно быть.
и через Бога — начало и конец,
Омега. Он — Слово, и дающее и любви,
было Слово, и Слово пророчеств сих.
справедливый, надежда и любви,
и Слово вечно быть.

Многознание уму не учит

18+

февраль 2014

№ 1 (44)

подписной индекс в каталогах распечати 31043

Огонь-освещающее начало, начало, «он и греет, и варит, и чистит», одно из самых распространенных обращений – «святой огонь, очисти, помилуй!» В жертву ему приносятся: жито, колобки теста, сарана, кадык, жирное мясо, кумыс. Совершает моление огню шаман, а в случае отсутствия такового лама или даже обыкновенный человек [3, с. 61].

Огонь как составляющей было вполне закономерно. Пожар разбушевавшегося пламени обладал сверхъестественной разрушительной силой, противостоять которой человек был не в состоянии. В то же время на Огне готовили пищу, выплавляли металл, он помогал пережить длительную, суровую зиму, согревая человека своим теплом. Отношение к нему как к живому существу обусловило и формирование основных ритуальных действий в культуре Огня: его кормили, отдавая ему часть своей ежедневной пищи, боялись обидеть, оскорбить. В Огонь запрещалось плевать, бросать мусор, жечь в нем любые нечистоты, переступать через него, наступать на оставшиеся угли, прикасаться оружием, т.е. делать все то, что обычный человек не позволил бы совершить в отношении самого себя [1].

Специальный обряд «поклонение Огню» обычно проводят после того как укажет шаман... Хозяин стоянки приглашает шамана. Обычно перед тем, как приехать, шаман указывает на необходимость подготовки *ыдык*, в качестве которого выступает *серге* «кастрированный домашний козел» обязательно желтой масти. Козел заводили в юрту, три раза обводили вокруг очага, затем разворачивали к огню и приклоняя его передние конечности, заставляя тем самым «кланяться» Огню. После чего завязывали ошейник и отпускали в стадо. Козел был основным *ыдыком*. Если на стоянке отсутствует требуемое животное, то обычно забивают жирного курдючного валуха. Берут курдюк и отделяют от мяса, нарезают пластинами пять кусков жира. Разжигают Огонь, уложив дрова особым образом – в форме колодца *сан*. Как только костер разгорается, шаман приступает к камланию. Во время камлания хозяин стоянки кладет в костер куски курдючного жира, поверх которых жена хозяина стоянки кладет «верхнюю часть» имеющейся в распоряжении пищи. Поверх пищи кладут кусочки (поливают) топленого масла. Обязательно кладут в костер можжевеловый *артыш*.

Уложив жертвоприношения в костер, хозяин стоянки с женой, сняв шапку с головы и уложив ее между собой и костром, трижды кланяются Огню. Поклон осуществляется следующим образом: в начале направляют, подняв руки на уровне лица,

ладони к огню, затем становятся на колени и, опершись руками о землю, касаются лбом земли. (В относительно позднем виде поклон осуществлялся по буддийским канонам: складывают ладони перед собой, произносят три раза *Ом мани падме хум* после чего кланяются Огню до земли, как «шаманисты».)

В жилище совершали обряд, обряд моления духу очага (от дагыыр): брызгали молоко в огонь очага, бросили туда кусочки пищи, одновременно обращаясь к очагу с просьбой благополучия для семьи [4, с. 165].

Со слов монгольской ламы Лундэг Мягмар: Современное время некоторые тувинские семьи обращаются монгольским ламам который проживают в Туве и проводит обряд освящения огня по монгольскому. В монгольском ламаизме проводит обряды освящения огня сохранилось. С появлением новой семьи появляется семейный очаг у молодоженов. Семья готовит 5 *хорагай* (5 куски блестящих тканей: желтый, зеленый, красный, белый, синий), и готовит лишний (1) *кадак* (кусочек ткани) любого цвета, на этом *кадаке* лама пишет защитные молитвы на тибетском языке. Этот *кадак* будет оберегать семейный очаг.

Обряд освящения огня по-монгольски и по-тувински проводят осеннее время. Очищают печку по середине печки с начало ставит (*эдир-чаа*) плоское сало на этом сале ставит козел сделанный из долгана (тувинская мука из жаренного овса или пшеницы) *тош* (грудинка), *саржаг* (топленое масло), сладости, молоко, *боорзак*, но потом чистыми аккуратно рубленые трава ставит вокруг подготовленных середине печи продуктов. Трава ставит в виде юрты. Обряд освящения огня проводит желатель но спустя через 4. Потом лама начинает читать молитву на тибетском языке. После обряда в семье все будет благополучно, все плохое очистится.

Современных благоустроенных квартирах так же ставит все по середине плиты, но не сжигают и прочитывают молитву, но потом все заберут и будут сжигать на поле ставя так же как в домашнем печисвящение обряда.

Таким образом, в народной религии тувинцев культ огня является одним из самых важных, центральных, структурообразующих в общей обрядовой системе культов. Это было обусловлено тем, что среди всех природных элементов, от которых зависит и с которым связана жизнь человека, огонь представляет собой единственный безграничный источник абсолютно положительной энергии.

Библиографический список

1. Даржа, В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. – Кызыл, 2009. – Т. 1.
2. Аракчаа, Л.К. Истоки экологического воспитания. – Кызыл, 2001.
3. Яковлев, Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. – Минусинск, 1900.
4. Вайнштейн, С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографический очерки. – М., 1961.

Bibliography

1. Darzha, V.K. Tradicionnihe muzhskie zanyatiya tvincev. – Kihzihi, 2009. – Т. 1.
2. Arakchaa, L.K. Istoki ehkologicheskogo vospitaniya. – Kihzihi, 2001.
3. Yakovlev, E.K. Ehtnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya dolin yuzhnogo Eniseya i objhyaniteljniy katalog ehtnograficheskogo muzeya. – Minusinsk, 1900.
4. Vaynshteyn, S.I. Tuvincih-todzincih: istoriko-ehntograficheskiy ocherki. – M., 1961.

Статья поступила в редакцию 20.01.14

УДК 124.3

Mamarasulov A.R. ABSURDITY OF VALUE IDEAS. This paper analyzes the fundamental concepts such as "value" and "idea" and finding the essential differences between them. The author investigates the question of how to define the category of "absolute value." Just touch on the role and impact of perfect consciousness and interpreting life, and the question of determining the boundaries of axiological thinking.

Key words: value, the idea of the ideal, the goal, the absurd, God, the demiurge, axiology, subject.

A.P. Мамарасулов, доц. каф. культурологии Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: mamix@bk.ru

ЦЕННОСТНАЯ АБСУРДНОСТЬ ИДЕЙ

В статье представлен анализ фундаментальных концептов: «ценность» и «идея», а также фундаментальные различия между ними. Автор исследует вопрос о том, как определить категорию «абсолютная ценность».

Отмечена роль и влияние идеального сознания и интерпретации жизни, а также вопрос об определении границ ценностного мышления.

Ключевые слова: ценность, идея идеала, цель, абсурд, Бог, демиург, аксиология, предмет.

«Идея» – мы берем это понятие в платоновском смысле – отличается от понятия «ценность» как нечто абсолютное от относительного. Например, «единица» или «точка» есть понятия выражающие категории абсолютного количества и абсолютного пространства, так же идеи «свобода», «жизнь» выражают то, что мыслиться само через себя – абсолютно и безусловно. Абсолютный статус идей не предполагает ценностной значимости в силу того лишь, что абсолютное не есть относительное, тогда как ценности – имеют относительную значимость. «Единица», «точка», «свобода», «жизнь» имеют произвольное ценностное определение. Идеальное, абсолютное их содержание не совпадает с ценностным, о чем, например, свидетельствует существование множества самых разнообразных определений этих понятий, в которых, однако, раскрывается не сама идея, а лишь определенная степень ее ценности. Поэтому определения эти достаточно условны, ведь нельзя, к примеру, принять утверждение «свобода – есть чистая совесть» (Периандр) в абсолютном и безусловном смысле, но только в относительном и ценностном. И хотя «свобода» и «жизнь», взятые как биологическое стремление к жизни и ее свободному распространению, заданы в качестве ценностей, охраняемых инстинктами, однако негативность страдания и произвола природы над жизнью индивида – суть неотъемлемые элементы самой жизни и свободы. Вместе с разумом, словно с яблоком познания, возникает и относительная ценность жизни и свободы, а то каковы ценности жизни и свободы *сами по себе* (как идеи) – разум не может ведать. Из приведенных примеров видно, что абсолютное или идея – «стерильна» по отношению к ценности, и наоборот – ценности не предполагают абсолютного статуса. «Все ценности эмпиричны и условны», «Природа мышления такова, что она стремится *присоединять* и присочинять к условному безусловное...» [1, с. 267]. И если так, то возникает вопрос – что же тогда такое «абсолютные ценности» – категория обладающая в культуре фундаментальной значимостью?

«Всеобъемлющая абсолютная ценность есть абсолютная полнота бытия, полнота жизни» (Н. О. Лосский) [2, с. 39]. Согласимся с этим емким определением и представим себе, что данная полнота, определяемая здесь как абсолютная ценность, обнаружена по факту и существует в действительности. Сделаем это за тем лишь, чтобы нарочно устранить всякий онтологический контекст, ведь нас интересует вопрос, как могут идеи – нечто абсолютное – свободное от каких-либо оценок иметь значимость «абсолютных ценностей»? Каким образом объекты приведенного определения – идея целого («абсолютная полнота бытия») и идея жизни превращаются в ценности? Как платоновские идеи – определяемые в виде вечных, неизменных *объектов*, становятся ценностно значимым для сознания – т.е. чем-то *субъективным*?

Применительно к абсолютным ценностям монотеистической религии все сравнительно понятно и логично: «абсолютная полнота и жизнь» суть Бог – т.е. *субъект*, который не есть *объект* – безличная идея. Отличие между Богом – создателем и идеей такое же, как между «демиургом» Аристотеля и идеей «блага» Платона. Идея блага ничего «не хочет», она лишь вечно прибывает; демиург, напротив – само субъективное стремление с заключенными в нем целями. Идея, к примеру, идея блага – один из «чистых» смыслов в царстве идей, демиург же – субстанциален и абсолютен, но он не идея, он их источник; поэтому идеи, рожденные в уме демиурга, определены как высшие цели и *абсолютные* ценности. Вместе с тем, эти ценности («полнота», «жизнь», «благо» и т.д.) не абсолютны, но есть *принадлежащие* абсолютности.

Сущность идеи в том, что она *самобытна* – в ней нет определенной связи с другими идеями – она «одинока» и существует ни для кого и ни для чего. Она просто есть и просто пребывает «равнодушно» ко всему и даже, в силу ее вечности, к пространству и времени. Демиург же – есть «ум», то есть *связь* между идеями, где одна идея, как нота в музыкальной фразе, существует не сама для себя, но для другого – для полноты этой фразы. Так же «ум-демиург» есть деятель соединяющий материю и форму; в противоположность чему идея «слепа» и «не видит» других идей.

В этом смысле, между идеей, скажем, «свободы» и идеей «жизни» не существует *ничего общего*. Вся полнота каждой идеи, с одной стороны, *внутри* ее самой, как в монаде Лейбница, однако, с другой стороны, идея *бесконечно открыта*. Самый буквальный пример такой открытости имеется в элементарнейшем – в непосредственном восприятии нами мира. Вся полнота мира заключена в нем самом (включая сознание) и, одновременно, мир не закрыт как монада, а бесконечно открыт. Образно говоря, мир даже «не знает» что такое быть закрытым, неясным, ненадежным и т.п., а если и «знает» – как нашу ограниченность – то лишь как один из элементов собственного многообразия и полноты. Метафизика объективного идеализма, и теософская мысль совпадают в этой категории «бесконечной открытости», ибо это и есть «абсолютная полнота бытия, полнота жизни».

Вместе с тем, здесь есть и одно очень существенное различие. Демиург – суть полнота и открытость в цели – в становлении, а так как иной цели кроме «абсолютной полноты бытия, полноты жизни» не существует, то такая цель является высшей и абсолютной ценностью. Бог-субъект (демиург) не может быть без того, что называют «целью», он – самораскрытие, источник силы, потенциал. В отличие от демиурга, пребывающие вне времени *вечные* идеи не заключают развития, а значат и становления, цели.

Для иллюстрации обозначенного различия, можно провести достаточно условную аналогию между идеями в метафизике и светом в физике. Идеи – подобны свету, который хотя и бесконечно изменчив в явлениях, но, взятый как некая самобытная сущность, задает *абсолют* движения в пространстве-времени; вселенная развивается «куда-то», а свет не развивается – просто движется. И, если в продолжение этой вольной аналогии представить, что у вселенной есть цель – некая абсолютная полнота, то у света нет цели, поскольку он уже для самого себя абсолютная полнота.

«Абсолютная полнота» демиурга всегда потенциальна, пусть не во времени, но в замысле, логике, или в чем-то еще. Ведь подобно тому, как субъект априори не может не испытывать напряжения, так же точно он не мыслим и без цели. Однако «абсолютная полнота» идеи не имеет ни цели, ни напряжения – она просто *пребывает* среди подобных ей. «Абсолютная полнота» идеи, не имея развития, безразлична к целям. И если условно вообразить, будто идея обладает способностью представления, то она бы попросту не смогла воспринять цель, в силу чужеродности последней по отношению к своей природе. Соответственно, идея, пребывая вне всякой необходимости что-либо открывать, раскрываться и т.п. – абсолютно открыта в актуальности, а не в какой-либо возможности или силе (как у субъекта-демиурга). «Искать – значит иметь цель. А вот находить – значит быть свободным, распахнутым настежь, не иметь цели» [3, с. 174].

Цель «вложена» в существование субъекта: «Первое открытие, которое мы совершаем, исследуя самих себя, – наше постоянное стремление к какой-нибудь цели. Следовательно, мы не можем себе представить человеческую душу как нечто единое и неизменное. Лучше всего ее удастся представить как набор движущихся частей, возникших из общего источника и стремящихся к достижению единой цели. Эта телеология, стремление к цели, является основой адаптации, и существование человеческой души немыслимо без цели, к достижению которой направлены все наши усилия» [4, с. 10]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что человек обожествляет этот максимум своего существования (причем, вне зависимости от своей активности, ведь, например, аскеза буддизма – это пассивный путь достижения все той абсолютной цели). Но можно ли назвать такого рода абсолютизацию цели иллюзией?

Сознание – не просто способность представлять мир. Сознание – представляет мир так, чтобы он был многообразней, забавней, богаче, лучше, чем является на самом деле. Ведь если не смешивать представление о мире с этим отсутствующим в нем, то, к примеру, человек не мог бы создавать все то, что никогда не могло быть создано силами самого мира. Цель – это развитие деятельности, власти субъекта, который видит не просто объективную действительность, а действительность в выгодном для своей жизни свете, ракурсе, контексте. Эта способность к иллюзии – упрощать, усложнять, обогащать мир та же самая, что у котенка, который, играя с клубком ниток и, не имея,

естественно, представления о клубках и нитках, находит в этом объекте нечто, что увлекает его, но не просто так, а по необходимости развития его жизненных навыков.

Сколь бы не казалось такое суждение банальным, но цель это не начало и финал действия: цель пронизывает мир субъекта, превращая любое отношение субъекта в значительной мере в иллюзию необходимую для выживания и развития жизни. Скажем, если бы дикарь, случайно использовавший тростник в роли дудочки, не увидел здесь иллюзию некой речи, и не открыл бы, что его сакральные чувства имеют язык, и богаче примитивных междометий, то он не открыл бы вместе с этим и иной способ выразительности своей субъективности, а значит, в итоге, и более совершенный способ социальной коммуникации в силу обнаружения и организации чувственности нового уровня. Цель — жизнь; звук дудочки — всего лишь иллюзия, объективно — это просто глупость и пустая растрата сил, но субъективно эффект от раскрытия чувств, и, соответственно, развития взаимопонимания и углубления единства людских душ, дает племени открывших музыку дикарей объективное превосходство над еще не ведающими этого соседями.

Цель — способность сознания видеть в объективной действительности больше того, чем она является на самом деле. Общаясь, мы относимся к одним и тем же словам других людей тем более иллюзорно, чем больше их речь связана с целями нашей жизни. И быть объективным — нейтральным здесь, по сути, невозможно. Наша мнительная заинтересованная фантазия может дополнить их чем угодно! Море иной раз кажется нам «прекрасным», «восхитительным» и т.д. — не потому, что оно на самом деле именно таково, это мы не свободны отделаться от чувственного дополнения к видимому, в силу, скажем, жизненного дефицита в гармоничных или умиротворяющих эмоциях или же, наоборот, в их переизбытке. Мужчина может сделать комплимент женщине, увидев в ее внешности, то, что при каких-то иных целях, для него могло просто не существовать. Ребенок смотрит на облако и видит в нем образ животного — детская бессмыслица, однако повзрослев, он увидит решение в том, что будет казаться бессмысленным остальным. Сознание примешивает к действительности много того, чего в ней нет, но это необходимо затем, чтобы открыть то, чего еще нет.

И если цель, как нечто конструктивно необходимое для жизни, рождает иллюзии, то нет ничего удивительного, что мы украшаем целью и идеи, откуда, вероятно, и возникает понятие об «абсолютных ценностях». Различие между стерильной к ценности идеей и «абсолютной ценностью» такое же, образно говоря, как между елью — всего лишь деревом, и новогодней елкой, украшенной мигающими гирляндами и серпантинном. Торжество жизни — это праздник, и поскольку торжество жизнь есть должествование, то идея жизни, вполне естественно, представляется как абсолютная ценность — «абсолютная полнота бытия, полнота жизни». Цель, дополняя собой действительность и «искажая» ее в необходимую для жизни сторону, наполняет её радужным или возвышающим над действительностью торжеством. Можно сказать, что цель — это запас или потенциал жизни, отличающий последнюю от буквальной объективности бытия.

Даже само слово «идеализация» (т.е. уподобление идее) указывает на то, что цель или «абсолютная ценность» подменяет собой объективную идею. Поэтому, если принять за общее основание процесса целеполагания саму жизнь, стремящуюся к торжеству, то абсолютизация ценности доходит, благодаря «фантазирующей» субъективности до того, что цель, призванная внутренне укрепить, развить и усилить жизнь, разнудывается, так как не имеет себе коррелята в объективности идей. Речь в данном случае идет не о психологических нюансах восприятия у различных типов личности («...человек, утративший способность воспринимать действительность, — это душевнобольной. Психотик строит свой внутренний мир, в существовании которого уверен, как в истинной реальности... он воспринимает мир только как символ и отражение его внутреннего мира» [5, с. 80]), а об абсолютном, таком бытии, в силу которого совершается сам процесс субъективного и объективного восприятия действительности.

Таким образом, допуская, что элемент такой субъективности восприятия связан с имманентно присущей всему живому цели, возникает вопрос: что именно определяет меру субъективизации действительности? Что позволяет сознанию избежать крайности или беспредельности субъективного восприятия? При этом нельзя указать в качестве такого объекта на «саму действительность», ибо понятно, что для жизни не может быть «чистой» по отношению к себе действительности. Действитель-

ность для жизни, это живая действительность, т.е. «искажающая» мир пристрастностью к самой себе, при этом по силе искомый объект должен быть равен абсолютной цели, т.е. являться так же абсолютным.

В роли такого абсолютного объекта разуму доступны два варианта. Во-первых, бог (демиург) — абсолютное воплощение всех возможных целей и процесса целеполагания. Следует отметить, что мы не рассматриваем понятие «бог» в религиозном контексте — только в метафизическом — как нечто символизирующее все космическое движение, развитие, гармонизацию, и целеполагание. Во-вторых, платоновские идеи — «чистые» по отношению к субъективизации абсолютные объекты. То есть выбор стоит между исключаящими друг друга метафизическими системами: между Аристотелем и Платоном. С одной стороны, горящее, действующее, творящее, животрепещущее начало — демиург. С другой — холодные, отстраненные, завершенные платоновские идеи. Можно, в каком-то смысле, сказать, что культура, создавшая обе системы, сама является образом их единства, выраженного, например, в греческой скульптуре, где сверхчеловеческая мощь вложена в уравновешенно-завершенную статику идеальных форм. И это вполне логично, ибо переизбыток мощи целеполагающего начала мог бы уничтожить сам себя, если бы не принял форму завершенного покоя идей.

Мы не можем определить что есть это целеполагающее начало, так как всякое определение конечно. Суть не в том, назовем ли мы его жизнью, волей, властью, богом, божественным замыслом, или чем-либо еще, мы лишь наблюдаем колоссальную «сырую» энергию движения, которую и обозначаем словом «цель». Причем цель, повторимся, не есть нечто внешнее для субъекта — начало или конец движения — она выше и первичнее их. Эта безотносительная к мотивам и результатам цель безусловна и абсолютна, и аналогична понятию «сила тока» в физике. Здесь, вероятно, наиболее подходящей для понимания будет аналогия с Богом ислама, воспринимаемого как огонь, «харизму».

Бог-демиург в этом смысле — абсолютная «сила тока», целое всех сил в мире — гераклитовский огонь — «этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерами возгорающийся, мерами угасающий» (Гераклит) [6, с. 217]. Демиург, понимаемый как сам огонь — «цель в себе», действует без всякого замысла; точнее, логика действия здесь подобна взрыву, но только взрыву с бесконечным запасом энергии. Чтобы яснее отличить это огненно-созидательное начало от чисто идеального, т.е. от мира холодных идей, прибегнем к следующей аналогии.

Мир, в самом простом смысле, абсолютно открыт — и наше сознание, открывая его, вместе с тем, открывает для себя и собственную относительность как часть этой открытости мира. Аристотелевский же демиург — как полнота абсолютного сознания открывает мир и как абсолютная полнота энергии — т.е. цели. Демиург ничего не задумывает предварительно — он просто открывает мир. Само открытие мира есть цель — не начало и конец действия, а все — «огонь». Бог не подчиняется в этом действии идеям, как некой, обязывающей его программе, он — спонтанность и, одновременно, единственно возможная логика.

В конечном итоге логика и деятельность по открытию мира упирается в нечто противоположное себе — и на том завершается фундаментальное созидание мира. Демиург, цель, огонь сталкивается с абсолютно противоположным себе — с идеей. Идея — нечто совершенное, законченное, вечное, самоопределенное, одинокое, и холодное в покое своей абсолютности. Творение мира завершается или, точнее, логически останавливается на максимуме — на создании первого абсолютного смысла, смысла смыслов, идее — на абсолютно совершенном творении, выше которого уже ничего нельзя создать, а, следовательно, и вообще создать — на ангеле света — Люцифере. «И вот у Люцифера было самое прекрасное и самое крепкое тело среди всех князей Божих на небе, и свет его, непосредственно порождавшийся им в теле своем, был сопряжен с сердцем или Сыном Божьим, как если бы они были нечто единое» [7, с. 164].

Фундаментально-созидательная роль демиурга, одновременно, и завершается на этой своей вершине, и впадает в «клинч» с ней, так как неисчерпаемая энергия абсолютного огня не погашена и стремится дальше. По сути, демиург останавливает через творение Люцифера самого себя как вечного творца и источника бесконечно неограниченной энергии. Люцифер — не Бог, подобно молекуле в океане, он наделен лишь ничтожнейшей долей энергетической безмерности Бога. Поэтому «клинч» в который демиург входит, создав Люцифера, это не

противоборство двух энергий, а столкновение двух абсолютных форм бытия – огненной, движущей цели и холодной, статичной идеи. «...что же подвигло Люцифера захотеть стать превыше Бога? Здесь надлежит тебе ведать, что вне себя он не имел никакого побуждения к своей гордыни, но красота его обольстила его: когда он увидел, что он прекраснейший князь на небе, то презрел приветное качество и рождение Божества, и помыслили править во всем Божестве своей княжеской силой, все должно было клониться перед ним» [7, с. 223].

Образ Люцифер – не просто тварь в ряду других творений, он – абсолют, сущность, совершенное существо – образец всякого возможного существа, т.е. идея существа. А вместе с тем источник идей свободы, красоты, блага и всех прочих совершенств, которые только и может воплотить или проявлять сотворенное существо. В Люцифере идея субъекта отделилась от самого субъекта. Вечный сотворенный смысл противопоставился смыслу творящего, ставшее – становящемуся, идея – цели.

Исходя из этой, хотя и чисто теологической аналогии, мы можем видеть, что именно идея дает предел целеполаганию, подобно тому, как равносторонний треугольник невозможно вообразить более равносторонним и треугольным, а точку более «точной». Цель завершается на совершенном – идее, не может и непосредственно овладеть идеей, и не может двигаться дальше. Чтобы передать свою энергию демиург создает человека, а вместе с этим переносит на человека и проблему идеального, которая через грехопадение, устанавливает предел нашим человеческим целям. Человек бессилён как только сталкивается с чем-то идеальным, которое хотя и не имеет никакой собственной энергии, но останавливает или нейтрализует энергию цели. Столкновение человека с идеальным аналогично тому, что и столкновение Бога с Люцифером.

Таковы не только идеи пространства («точка»), количества («единица»), которые невозможно постичь иначе как через самих себя, но прежде всего этические идеи, прекрасно раскрытые в литературе: например, идея любви («Тристан и Изольда»), идея справедливости («Гамлет»), идея красоты («Парфюмер») и т.д. Идея предел цели потому, что она сама есть полно-

та; предел движению, потому что есть вечность; всякой глубины, потому, что идея сама есть суть – сущность. Описанное в названных произведениях запредельное напряжение человеческих сил – «клинч» – это следствие непреодолимого сопротивления идеи силе тока цели.

Вместе с тем, именно идеи являются для человека коррелятом его субъективности. Здесь необходимо напомнить, что идея не реальна, а умопостижима – не явление, а сущность. Аналогично тому, как очарование музыки исходит не от звуков, а от той идеи, которую приоткрывают эти звуки как средства выражения, слушатель, прикоснувшись к идее умом, начинает притягиваться и вращаться вокруг нее, подобно планете вокруг солнца. Так же и сам художник, раз коснувшись идеи разумом, будет настойчиво стремиться овладеть или охватить ее во всех вариациях своих произведений. Хотя, в конечном итоге, это напрасный труд, ибо идея уже есть совершенство, идеальное, которое художнику остается лишь более или менее успешно описывать, воспевать, или же успокаиваться на нем.

Итак, идея как некий законченный – совершённый – смысл, противоположна цели, и есть завершение последней в своей наивысшей точке. Ценность же – всего лишь градуация целей в интеллекте, и, соответственно, любая ценность так же ничтожна в своей значимости перед самоценностью идеи, как, например, какая-нибудь, весьма значимая на определенный момент жизни, ценность перед самой сутью жизни.

Абсурд в том, что идея – абсолютна безразлична к каким-либо целям и ценностям. Она бездеятельна и просто прибывает ни для кого. Ни одна из идей – «жизни», «блага», «красоты», «свободы», «власти» и т.д. – не может быть представлена в качестве и роли абсолютной ценности потому, что она не есть ценность. Идеи имеют другую – сверхценную природу. И если культура, идеология, или отдельная личность возводит какую-либо идею в значимость абсолютной ценности, в этом изначально присутствует ложь – «фейк». Единственное бытие, которые мы можем логически представить в статусе абсолютной ценности – есть Бог как сумма всех возможных целей и, в частности, «огонь» всех наших собственных непосредственных целей.

Библиографический список

1. Ницше, Ф. Воля к власти. – М., 1994.
2. Лосский, Н.О. Ценность и бытие – Париж: YMCA-PRESS, 1931 (электронное издание).
3. Гессе, Г. Сиддхарха. Путешествие к земле Востока. – М., 2007.
4. Адлер, А. Понять природу человека. – М., 1997.
5. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М., 1993.
6. Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989. – Ч. 3.
7. Беме, Я. Аврора. – М., 2001.

Bibliography

1. Nicshe, F. Volya k vlasti. – M., 1994.
2. Losskiy, N.O. Cennostj i bihtie – Parizh: YMCA-PRESS, 1931 (ehlektronnoe izdanie).
3. Gesse, G. Siddkarkha. Puteshestvie k zemle Vostoka. – M., 2007.
4. Adler, A. Ponyatj prirodu cheloveka. – M., 1997.
5. Fromm, Eh. Psikhoanaliz i ehtika. – M., 1993.
6. Fragmentih rannikh grecheskikh filosofov. – M., 1989. – Ch. 3.
7. Beme, Ya. Avrora. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 24.01.14

УДК 141.81

Shatula T.G. INNOVATIONS IN USA'S UTOPIAN SOCIALIST EXPERIMENTS OF XIX CENTURY: ONEIDA COMMUNITY'S PRACTICES. The main goal of the article is to highlight the key points related with development of non-usual social-living and educational practices within the bounds of many social experiments during USA's XIX century. The main attention is attending to the ambiguous experience of Oneida Community.

Key words: utopia, social ideal, communitarian experiment, Oneida Community.

Т.Г. Шатула, аспирантка каф. философии, Новосибирского гос. университета экономики и управления, г. Новосибирск, E-mail: rainmagnit@gmail.com

НОВАТОРСКИЕ ПРАКТИКИ В СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ В США XIX ВЕКА: ОПЫТ КОММУНЫ «ОНЕИДА»

В статье освещается возникновение и развитие нестандартных коммунитарных моделей и образовательно-воспитательных практик, применявшихся в социально-утопических экспериментах в Америке XIX века. Подробно рассматривается неоднозначный опыт коммуны «Онеида».

Ключевые слова: утопия, социальный идеал, коммунитарные эксперименты, коммуна «Онеида».